

18+

Татьяна Степа

ТЕРРИТОРИЯ
НАПРЯЖЕНИЯ

Психологическая фантастика,
триллер

Татьяна Степа

**Территория напряжения.
Психологическая
фантастика, триллер**

«Издательские решения»

Степа Т.

Территория напряжения. Психологическая фантастика, триллер /
Т. Степа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533970-6

Недалекое будущее. 1132 год. Семен Удалов, тридцати двух лет, проходит тест на новой машине воспоминаний для раскодировки сознания и расследования. Чтобы разобраться во всем, надо отправиться назад в то время, когда ему было 15—16 лет. Семен водит аэротакси, занимается сопровождением юридических сделок, хорошо разбирается в дизайне. Но основная его деятельность оказалась намного таинственней.

ISBN 978-5-00-533970-6

© Степа Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Мы возвращаемся	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
ГЛАВА 4	13
Глава 5	15
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Территория напряжения Психологическая фантастика, триллер

Татьяна Степа

От автора:

«Многих волнует развитие робототехники и предполагаемое восстание машин, а развитие психотехнологий остается как будто обычной частью жизни. А между тем они внедряются и попадают подчас в не самые дружелюбные руки. А иногда и вовсе, совсем не в дружелюбные. Если будущее – это отражение сегодняшнего, то в какую сторону оно повернет?».

© Татьяна Степа, 2021

ISBN 978-5-0053-3970-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Мы возвращаемся

Глава 1

Тестирование затянулось на три часа. Они решили, что так будет правильно, если замешаны довольно высокопоставленные лица, и гоняли по вопросам, как по стадиону, несколько кругов.

- Ваше имя?
- Семен Удалов.
- Назовите сегодняшний день недели и год?
- Среда, 2132.
- Дата рождения?
- 3 октября 2100.

В свои тридцать два я чувствовал будто мне пятьдесят два, и я смотрю на свою жизнь глазами отстраненного контролера из секретного ведомства. Отвечал так же сухо и лаконично. Мой друг Стас находился где-то рядом, может быть, даже за стеной в такой же пустой комнате, с таким же человеком напротив.

Приступали обычно с общих вопросов, пока настраивали аппарат. Даже трудно поверить, что когда-то его изобрел медик всего лишь измерять пульс и давление.

Стараюсь сидеть спокойно, выровнять дыхание. Сосредоточиться только на процессе и ни о чем не думать.

Но совсем не думать не получается.

Мы со Стасом были готовы к такой проверке, но представить не могли, насколько все затянется. И совершенно накрылся мой отпуск. Об этом хотелось думать все время. Про отпуск, про планы. Про надежды...

Аппарат для работы с воспоминаниями поблескивал хромированными боками. О таком изобретении мы только слышали, теперь я рассматривал его живьем.

- Здесь будет разблокировка? – поинтересовался я.
- Совершенно верно, – ответили мне и пропустили вперед пожилого, подтянутого мужчину.

Он представился, предложил усаживаться в кресле удобнее и откинуться назад.

Кресло – мягкое, комфортное. Уставшие мышцы расслабились.

Мужчина повозился с машиной, потом вернулся к столу, настраивая контакт. Датчики в подголовнике передавали информацию на пульт.

– Давайте начнем, – уже другим тоном сказал он, неспешным и даже умиротворяющим. – Вам нужно отправиться в начало этой истории. Сколько вам тогда было?

- Пятнадцать или шестнадцать.
- Вы можете вспомнить дату, которая оставила яркий след?
- Я задумался.
- Тогда чуть раньше. Я хочу попасть на праздник и вновь ощутить тот полёт.

Эти воспоминания вызвали у меня легкую улыбку. Приятно пережить подъем и воодушевление в начале пути. И не только приятно. Сейчас для меня это большой ресурс на восстановление сил.

– Мы не можем отклоняться на долгий срок, – предупредил он.

– О нет, с того события и началась вся история, – поспешил заверить его я.

Снова пометки, светящийся график. Он задумался буквально на мгновение и кивнул:

– Хорошо, тогда приступим.

Глава 2

Аэромобили изобрели ровно сто лет назад. Вчера мы даже праздновали на главной площади города юбилей фирмы Вега—дрон с салютом и бесплатным коктейлем. У нас в округе они единственные выпускают кабины для передвижения по воздуху. Наше поселение находится ближе к Сибири и далеко от столицы уральского региона России, в которой я мечтаю побывать, и зову просто Город. Там есть все. И это – за пятьсот километров.

Вега-дроновцы ходили важные, в ярких костюмах, словно пилоты из серии о внеземных цивилизациях.

– У тебя сколько времени прошло до лицензии? – спрашивал один из пилотов невысокого крепкого корейца.

– Два года.

– Ничего себе. Слышал, теперь за сорок два часа полета выдают?

– Не знаю. Частникам, может.

Они еще что-то говорили о машинах, пока дожидались начала главного действия. А я держался рядом, чтобы послушать. Такие новые слова, необычные люди.

По кругу площади располагались демо—палатки, где можно было отведать мороженое—ракету в блестящей фольге с переводной картинкой в виде татуировки. Крылья машин или лопасти турбин у многих уже красовались на локтях, запястьях и лодыжках.

Я себе тоже приклеил парочку на руки, и одну на ногу – кабина в наклоне классно смотрелась и доставала почти до колена, отчего при движении чуть махала крылом. Ребенок лет пяти застыл от изумления, когда я проходил мимо него, а потом начал клянчить у матери такую же.

На Вега-дроне работает большинство населения городка, немного заброшенного от цивилизации в производственный сектор. На несколько километров тянется равнина и не сильно густой лес. Фирма выпускала еще маленькие авто для гонок и бюджетный вариант, но потом перестала. Говорят, их машины самые надежные, но пока за трассу над городом надо заплатить, наверх поднимаются только служебные и те, кому по карману отдать в месяц больше, чем стоит сам велохоптер. Это такой узкий вытянутый в длину мобиль на двоих, напоминающий велосипед прошлого века.

Брат матери недавно купил себе новый аппарат, способный развивать скорость до 180 км/ч. От аэротакси его отличает вытянутая кабина на три места. Вчера он тоже был на площади, демонстрируя последнее техническое новаторство, говорил что-то про эпоксидный композит, углеродное волокно и хвастался блестящей рамкой из сплава алюминия. Странный человек. Вот не из зависти, а просто справедливости ради, хочу сказать, – видок у этой машинки, как у моей игрушечной, подаренной дедом в пять лет. Я даже удивился.

За поворотом демонстрировали новые тренировочные игры. Мне особенно понравился аэромобиль со складными крыльями для удобства передвижения по земле, и я взял видеоверсию на последние деньги. Стены за кроватью как раз хватит, чтобы спроектировать на нее изображение. Поиграем. Я даже зажмурился от предвкушения.

– Смотрите, смотрите! – закричал ребенок, когда в небо поднялась машина вертикального взлета. Он показывал рукой и оглядывался на мать, призывая разделить его чувства. Она кивала и улыбалась.

Я тоже проникся его восторгом. Аж дух захватывало, как аэромобиль носился по небу.

Но это сегодня. Потом включают разметку, и все будут очень аккуратны.

Я приехал от деда в прошлом году, мама познакомила с отцом, который живет в соседнем тауне, отдельном районе размером с небольшой город. Специализированное поселение. Он

работает на секретном производстве, приезжает к нам раз в месяц. И жена у него другая, тоже из тауна. И дети – двое, тоже таунцы. Мы из простого квартала их немного ненавидим. Они, из элитного, – нас тоже.

Отец знакомил меня со своими новыми детьми, но контакта не получилось. Я из деревни, для них вообще чернь, из чернозема. И речь у меня, как у деда, с необычными оборотами. Вообще-то, прапрадеда, ему уже сто сорок два года. Он шутит по этому поводу в очередной день рождения, сам удивляясь своей живучести. Из центра как-то приезжала журналистка и с нею двое с телевидения – снимали, просили надеть ордена за трудовые заслуги, сверяли в архивах дату рождения.

Раньше приходили только из администрации, делали запросы в разные отделы, где он трудился по молодости. Все верно, вроде не напутал старик и паспортисты. И вот ему уже семьдесят лет выплачивают пенсию. Дед смеётся, что им денег жалко, поэтому проверяют каждый год – не подставной ли. Еще и бесплатную медкомиссию проходить, на которой выпишут новейшие препараты для работы сердца, подтяжки морщин и поддержания общего тонуса. Он их выкидывает, как только возвращается домой. Поэтому, говорит, и живой до сих пор. Достает грабли, лопату и идет копать в земле. А на соседнем участке все плавно и методично делают роботы. Деда не исправить.

Я улыбаюсь, меня забавляет его ворчание, от репортеров стараюсь увернуться и забираться на сеновал. Мне, в общем-то, по барабану. Я мечтаю быстрее начать работать в соседнем городе летом. И там гораздо интереснее. Если только не сделают парк лётных такси, тогда можно попробовать устроиться здесь на станции обслуживания...

Пилот сделал еще один круг и мягко приземлился. Местные репортеры обступили его, как только он вылез из кабины. Завтра можно будет прокатиться, если получится достать билет. Их начали продавать задолго до праздников, и все разобрали еще до начала представления. Во всяком случае, так говорили. Я поискал глазами мать, она все время была с подружкой, и то и дело к ней подходили из моей новой школы, видимо, жаловаться. Учителя здесь мне не нравились. У нас было как-то спокойнее.

– Как тебе зрелище? – спросила мама, проходя мимо решетки, к которой я и несколько пацанов прильнули, разглядывая техподдержку.

– Нормально-о, – я делаю вид, что нисколько не изумлен.

Она улыбается и отходит, оставляя меня с парнями разных возрастов. Я пока ни с кем не дружу, так... общаюсь.

В конце апреля почти наступило лето, народ разделся и принимал солнечные ванны. Раньше этих солнечных ванн у меня было сколько угодно, теперь всё по расписанию, даже прогулки. Никак не могу привыкнуть.

На празднике наша учительница что-то долго шептала матери на ухо. Мне это не нравится. Но она принесла мне билет! Билет на поездку! И я обо всем забыл.

На завтра у меня пропуск на лётное такси, который прислал отец, и я в 14—00 должен быть на площади. Как это здорово!

По этому случаю надены новые кеды и чистую рубашку – ведь будет сын отцовского соседа, какой-то супер-Иван, частые похвалы которому мне сильно давят на мозг.

Я представил, как спрыгну с автобуса и протяну ему руку. Не очень дружелюбно, но сдержанно. Главное, не показывать ничего. Это главный принцип выживания, как оказалось, в этой среде, – вообще ничего и никому не показывать.

Утром я достал старенький скейт – и через пятнадцать минут добрался до места.

Пожать руку Ивану так и не удалось. Он отвернулся раньше, чем я подошёл, хотя заметил меня еще издалека. Он увидел, понял, что можно залезать в кабину, развернулся и забрался на свое место. Вот и всё. Два пассажира прибыли – такси может лететь.

Мне, в общем-то, тоже по барабану. Еще разговаривать с ним неизвестно о чём. Так, молча, мы устроились в тесной кабине один за другим, будто в паровозике.

Белая люлька, в которой я оказался, словно укутала меня чуть в запрокинутом состоянии. Ремень безопасности защёлкнулся сам, как только я вытянул ноги. Пахло новым пластиком и парфюмом, словно кабину натерли до блеска и сбрызнули по углам ароматизатором. А возможно, просто протерли иллюминаторы специальной жидкостью.

Я вспомнил свой детский вертолёт, похожий на этот, – как раскручивал убирающийся шнур, и лопасти начинали крутиться, оставалось только подкинуть его. Это механическая древность каким-то чудом сохранилась у деда. Потом у меня появился радиоуправляемый мобиль с фигуркой пилота внутри, на месте которого я представлял себя. Теперь я сам сидел в такой кабине, только в самом хвосте.

Впереди торчали локти супер-Вани, и немного хотелось выкинуть его из кресла, которое он занял сразу позади пилота, оставив мне хвостовую часть. Ничего... мне и тут неплохо. А вообще... Я огляделся, потрогал иллюминатор... Было здорово!

Нашим водителем оказался кореец Ли. Его бесстрастное, смуглое лицо излучало собранность и уверенность в небесной машине. Каждый полёт транслировался на видео. Ли сверился с картой и объяснил, что мы должны подняться на триста метров и продемонстрировать транспортному ведомству, зевающему неподалеку, безопасность и удобство. Готовилось соглашение на эксплуатацию, – так же, как после подобных отработок в Дубаи.

Мы кивнули, что вроде бы поняли, раз он так подробно нам все сказал, и Ли успокоился, пристально глянув каждому из нас в глаза. Наверное, он нас гипнотизировал, чтобы сидели спокойно и не мешали ему управлять. Или прошупывал, что от нас можно ожидать. «Ничего, – мысленно сказал я ему. – Можешь расслабиться, мы уже удивлены, что к нам так много внимания».

Воздушный способ передвижения для нашего города, если его закупит муниципалитет – это спасение. Можно устроиться на работу в соседнем округе – там, я слышал, набирают подростков на выставку на полдня. Или даже в самом Городе. Всего минут тридцать на такой машине – и ты там, а не пять часов.

Пока Ли вставлял наушник и проверял бортовой компьютер, мы уже слегка занервничали. Локти супер-Вани сменили положение раз десять. Я усмехнулся и постарался держать свои руки спокойно, от нас все равно ничего не зависит. Чтобы не волноваться, я начал рассматривать пришедших. Парочка журналистов пыталась пробраться за красную ленту, но их ловили и отгоняли, чтобы не мешали.

Наконец Ли завел лопасти, и мы начали потихоньку подниматься вверх. Как будто четыре огромных шмеля несли нас к облакам, раскачивая кабину. А потом мы начали скользить вдоль земли. Мы словно плыли, но при этом громко жужжа.

Описав большой круг над тауном, близлежащим лесом и городом строителей, коптер начал разворачиваться. Я не знаю, что произошло, но супер-Ваня начал озираться, вцепившись в подлокотники.

– Что там? – спросил Ли, не поворачиваясь, ощущая суету за спиной.

– Я... я... – Ваня наклонился вперед и уперся в спинку кресла, а потом начал заваливаться набок.

Не знаю, как – но его ремень был не пристегнут! Как только машину слегка дёрнуло, Ваня стукнулся головой об иллюминатор и издал глухой, сдавленный звук.

– Что с ним? – обеспокоенно спросил Ли, оглядываясь назад. – Он держится?

– Вроде, – с сомнением ответил я, пытаясь одной рукой притянуть за шиворот Ваню на место.

– Снижаемся, – буркнул Ли и завис над землей, будто в туннеле с лифтом, который устремился на первый этаж.

Мы сели в поле. На песчаном островке, вокруг которого стелилась трава по колено, а вдалеке чернели пики елей и сосен.

– Воды, – Ли протянул мне бутылку и полез за аптечкой.

Он что-то накапал на ватку, протер Ванины виски и сунул ему под нос. Ваня сморщился и открыл глаза, отклоняя голову.

– В чём дело? – строго спросил Ли. – Где ремень?

– Я не знаю, – плаксиво затыкнул Ваня, понимая, что ему достанется ото всех. И неожиданно выпалил. – Это он отсоединил!

Палец уже хорошо очнувшегося Вани тыкал в меня, а покрасневшее от натуги лицо приобрело выражение отчаянной борьбы.

Ли посмотрел за сиденьем, потрогал какую-то кнопку внизу и повернулся к нам.

– Он не мог, – бросил он Ване и жестом приказал нам забираться обратно. – Или останешься?

Ваня замотал головой и виновато потупился.

Проверив, что мы застегнуты, пилот заблокировал ремни ещё каким-то приспособлением и, молча, залез в кабину.

– Время закончилось, – сообщил он, включая лопасти, и мы начали подниматься, чтобы лететь на площадку.

Стоит ли говорить, что настроение моё было хуже некуда. Этот идиот Ваня испортил весь кайф, да еще пытался свалить на меня. Я изо всех сил старался отвлечься и поймать остатки исчезающего удовольствия. Мы еще летим, я еще в кресле, которое пахнет. Я здесь, мне хорошо... Какой же козёл этот Ваня...

Внизу нас встретили беспокойные лица градоначальников, спрашивали, что случилось – про вынужденную посадку они были в курсе. Ли сказал, что Ваню укачало и поэтому мы ненадолго приземлились. Ваня, как только ступил на землю, сразу вспомнил, что он супер, и, гордо подняв голову, прошел мимо суетившихся журналистов.

***

Раздался треск зуммера.

– Семен? Вы хорошо себя чувствуете?

Я вернулся в реальность, потрогал подлокотники, понял, что немного вспотел.

– Похоже, я слегка разгневался. Или даже не слегка.

– Понятно. Как сейчас? Выравнивайте дыхание.

– Хорошо.

Я начал глубоко дышать, делая паузы, между вдохом и выдохом. Вскоре пульс забился спокойнее.

– Продолжим.

Глава 3

Все выходные я наслаждался новой игрой. Штурвал был, как настоящий, и летал я по нашей стене с видео-проекцией гор, равнин и городских улиц. Мама пыталась вытащить меня в музей, но я не захотел.

– Так и будешь весь день летать? – спросила она.

– А что? – недовольно отозвался я.

– Хоть на улицу выйди, погуляй, воздухом подыши.

– Хорошо.

– И вообще, надо интересоваться еще чем-то помимо игрушек.

– Хорошо.

– Что ты заладил – хорошо, хорошо. Вот пошел бы со мной, про древнюю Грецию послушал.

– В другой раз, мам.

– Встретимся вечером на выходе. Или нет, я тебе сообщу во сколько. Не забудь через час отнести посылку по адресу. А то денег на неделю не заплачу.

Я подрабатывал курьером, а оформлена была она. Заказов было немного и почему-то все время в выходные.

– Привет древним грекам, – отмахнулся я.

– Очень смешно. Я ушла, – крикнула она от дверей.

Музей древностей находился почти в центре, а мне, как повелось, нужно позже её встретить. Способ связи у нас пока один – мобильный сигнал на браслете. Два раза – можно идти к ней, один – нет, езжай домой, что-то ее задержало.

В этот раз браслет молчал, я даже потряс его – вдруг батарейка села. Она механическая, заряжается от движения: идешь, машешь руками, и всё работает.

На улице собралось много людей, все куда-то спешили, и только я болтался между киосками с едой и мороженым.

Мама пропиликала через полчаса, отправляя меня к дому. Интересно, что бы это значило?

Она работает в магазине цифровой техники. Стеклоздание, усеянное мониторами, особенно хорошо смотрится зимой. На снегу цветные полосы от меняющихся картинок устраивают маленький праздник для прохожих. А я там постоянный прохожий, потому что встречаю её после работы, и часто мы идем ужинать в местное кафе – потому что там дешевле, можно выбрать, а готовить она не любит.

Цены на электричество снова повысились, и электропечь накручивает нам счётчик быстрее, чем стиральная машинка. Мама уже всё подсчитала и пришла к выводу, что питаться мы пока будем в кафе у её подруги.

Она работает в развлекательном центре «Сириус» шеф-поваром, – так что прожить можно. Пока на нас висит кредит, мы не можем ничего покупать.

Иногда мама вздыхает, что отец мог бы и помочь, но он почему-то не помогает. Мне нечего ответить.

ГЛАВА 4

Ближе к вечеру они появились на пороге вместе – мама и отец. Ужин, как я понял, отменяется. Озабоченное выражение на лице мамы и угрюмое молчание отца заставили меня напрячься.

– В чём дело? – спросил я.

– Тут, наверное, недоразумение, – попыталась вступить мать.

– Помолчи, – одернул ее отец. Он смерил меня испытующим взглядом и разочарованно развел руками. – Я хотел по-хорошему. По-хорошему вы не понимаете. Отныне общение только по делам и экстренным случаям.

Я молчал. Он тоже не стал объяснять. Постоял и вышел.

Мать устало присела на краешек кресла.

– Зачем ты этого Ваню отцепил, а? Ну что на тебя нашло. Он же ничего тебе не сделал.

– Я... – наверное, я хотел рассказать, а может быть, спросить, а может быть, удивиться. Я в этот момент так многого хотел, что не знал, с чего начать. И поэтому замолчал. И, кажется, надолго.

У меня на полке стоит старинная бумажная книга, где собраны фото интересных мест. Её можно листать бесконечно. Она будто завораживает и уносит тебя далеко-далеко. И плевать, что надорвана обложка, она всё ещё держится и даже не выцвела совсем. Эту книгу дал мне дед – она тяжеленная и очень красивая.

Если с учебной не ладится, у нас в городе отправляют в спецзаведение. Для тех, кто имеет средства, они платные, и к тебе приставят личного педагога. Будто конвоир он неотступно будет следовать за тобой и требовать, чтобы сделал уроки, посетил кружки и допзанятия, ответил как минимум три раза в неделю. Остальные могут не беспокоиться – их знания никого не интересуют и, отсидев положенное время, ты автоматом получишь аттестат. На тестировании.

Я оставил только он-лайн занятия, и в школе предпочитал не появляться. Дома делал задания и отсылал по интернету.

Единственный момент – мы не оформили перевод на домашнее обучение, но это, я думал, как-нибудь потом можно сделать, как только увидят, что я справляюсь.

А нашему городу машины Вега-дрона не достались, посчитали, что нерентабельно вкладывать муниципальные деньги в транспорт, раз люди умеют ходить пешком. Так с улыбкой сказала подруга мамы через неделю после праздника.

Тогда же я понял, что моей мечте про работу на выставке, похоже, не сбыться никогда. И даже поймал отчаяние – когда внутри тебя что-то падает вниз, а на глаза наворачиваются слезы. Но я зажмурил глаза изо всех сил, и попытался остановить это падение. Не нужно никуда падать, это же не конец света. Подумаешь, что-нибудь другое найду. Да и вообще... по барабану.

Я научился пребывать в среднем состоянии покоя – это, когда ты проплываешь мимо всего, и тебя ничего не трогает. В этом плавающем состоянии все приглушенно и расплывчато, будто ты находишься в прозрачном пузыре. Наверное, это была моя ошибка, потому что кто-то заметил, что я не с ними, что я не здесь. А может, просто сообщили в школе, что я стал много прогуливать.

В результате после экзамена меня оставили на второй год в 9 классе. Новость дома летала по всей квартире полчаса. Это было неслыханно, это было позорно, как говорила мама, и что отец очень, вот просто очень недоволен и огорчён.

Я пожимал плечами, и как только представилась возможность, отправился к деду на всё лето, вместо того, чтобы пересдавать. Была бы моя воля, я бы остался у него навсегда.

К сентябрю меня ждало нерадостное известие, что меня перевели в другую школу для трудных. В экспериментальную школу со строгими правилами. «Ну что ж, – подумал тогда я, – все-таки не здесь, а то мне уже порядком надоело в этом странном городе, где живет очень странный супер-Ваня». С той поездки на авиамобиле он при встрече отводил глаза, если только был не с компанией. Вот тогда они пытались прицепиться.

Часто это происходило в нашем центре «Сириус», где работала мамина подруга, но я уже нашел лазейки, как от них незаметно улизнуть.

Новую школу я теперь ждал даже с нетерпением. Хотя в шестнадцать лет опять проходить девятый класс не очень приятное дело. И еще я чувствовал, как во мне копится злость.

***

Зуммер прозвучал как будильник – настойчиво и громко.

Я очнулся и огляделся по сторонам. Мужчина за монитором делал какие-то пометки.

– Уточнение, – наконец сказал он. – Ваня – это... – прозвучал вопрос.

– Из отдела по экспериментальной программе, насколько я знаю.

– Вы считаете, что старые счета могли повлиять на работу?

– И да и нет. Впрочем... не знаю.

Он вновь внес правки и повернулся ко мне:

– Вам не мешает, если мы будем останавливаться? Или оставим вопросы на потом?

– Как хотите, – ответил я, но подумал, что, пожалуй, треск зуммера меня сильно напрягает.

Кажется, он прочел мою мысль и кивнул.

– Тогда продолжим. Следующее событие – переезд?

– Не совсем. Чуть позже.

Глава 5

Меня ввели в кабинет директора. Не то, чтобы под руки, а пропустили вперед, слегка подпихивая сзади. Странное обращение, учитывая, что я ещё ничего не натворил, а пришел только на ознакомительную беседу.

Директор возвышался в огромном кресле, настолько высоком, что, казалось, парил где-то посередине комнаты. Колени его как раз упирались в край необъятного стола, занимающего все деревянно-желтое помещение. В этой школе вообще, в основном, все деревянное и желтое. Ретро-стиль без техники и привычного комфорта.

Я остановился сразу, как вошел, у кромки ковра, ожидая, когда со мной заговорят. Тучный мужчина в кресле окинул меня взглядом. Я его тоже. Наверное, это выглядело вызывающе. Он ухмыльнулся и кивнул на стул сбоку.

Приглашение присесть я принял. Приходилось теперь поворачивать шею, чтобы смотреть на него. А он не спешил начать разговор. Вскоре мне надоело играть в «гляделки», и я уставился в зеркало, которое висело напротив.

Совсем недавно Светка из моего девятого «А» сказала, что у меня красивая прическа. Учитывая, что я особо не причесывался, мне было интересно узнать, чем же? Волосы за лето слегка выгорели, а поскольку я не постригся, на ушах круглились легкие завитки. Мне по барабану, но если красиво, пока так похожу.

Директор, наконец, поднялся с кресла, – теперь он стоял ко мне спиной, поправляя что-то в настенных часах. Я перевел взгляд на него. Видимо, решил, раз я на него не смотрю, то и он мне покажет свой игнор. Чего звал тогда?

Я упёрся взглядом ему в спину, в его поблескивающий пиджак из тонкой ткани. Форсит. Это он любит. Все костюмы блестят – он их меняет почти каждый день – ни одного нормального. Сплошные блики. Я только прикрыл глаза, как тут же раздался грубый окрик:

– Не спать, Удалов! А ну встать.

Я неохотно сполз со стула и вытянулся по стойке смирно.

– То-то же, а то ляг мне еще тут. Короче, на тебе два штрафных балла. Когда успел, удивляюсь, только четверть началась? За тобой две отработки. Сегодня красишь сарай, завтра дежуришь по кухне.

– Завтра же семиклассники?

– Ну и что? Тебе какая разница. Дежуришь с ними. Я лично проверю. Свободен.

Я направился к двери. Директор снова развалился в своем кресле. Лично он проверит, посмотрим. Надоело здесь. Угораздило же попасть...

Началось всё с экскурсии. Даже не помню какой. Мама каждые две недели усаживала меня в электробус, и мы отправлялись на осмотры достопримечательностей. Она осматривала, а я слонялся неподалеку, делая вид, что мне тоже очень интересно. Если о чем-то спрашивали, я многозначительно склонял голову – то ли да, то ли нет, а вообще, старался ни с кем не общаться.

С кем она там познакомилась, с кем договорилась – не знаю. Только через несколько дней меня без разговоров перевели в этот непонятный интернат за городом, «в тихой лесной зоне со свежим воздухом». Мне, в общем-то, было всё равно. Я не люблю ни с кем спорить, что-то доказывать и, вообще, разговаривать не люблю. К чему разговоры, когда никому ни до кого, по большому счету, дела нет.

Мама говорит, что я слишком всё обобщаю. Что я неправильно мыслю и делаю не те выводы. Я и перестал говорить. И с ней, и с другими. Отцу, когда он приезжал, просто отвечал «да» или «нет». Он как раз ведет беседы именно в этом русле. Можно не напрягаться и просто

вставлять эти да—нет. Я знаю, что они считают меня заторможенным, и мне сейчас по барабану.

В общем, это была еще та школа. Специализированная, для трудных, неуспевающих. Обставленная в стиле прошлого века классная комната напоминала бы ретро-стиль, если бы не чрезмерная ее отполированность. Я видел такие шкафы и столы у друга деда, добротные, сколоченные из досок, что-то мы даже чинили, здесь же была какая-то имитация. А имитация под что-то у меня сразу вызывает недоверие. Мой пластиковый шкаф-трансформер дома гораздо удобнее.

Вечером, когда я докрашивал сарай, отработывая штраф, ко мне подошел парень из восьмого класса. Их там всего-то пять человек, и физкультура у нас проходит совместно, так что, — мы заочно знакомы. Он остановился, проследил взглядом за линией масляной краски и спросил:

– Ты завтра с Семечками дежуришь?

– С кем? – не понял я.

– Ну, с этими, с семиклассниками. Мы их так называем, – он слегка улыбнулся.

– Да. Похоже так.

– Не повезло. Ты это... сразу сам себе работу найди – и держись в стороне. Будут провоцировать.

– Зачем?

– Так положено. Ты же новичок. А они – самый отвяз, под дудку директора пляшут. Болваны маленькие, не понимают ещё, что держаться вместе надо. Он их чем-то подкармливает. Так что, старайся не нарываться.

Кого бы предупредил. Я давно не нарываюсь. Никуда и ничем. Парень еще потоптался рядом, сказал «пока» и отвалил. Я не понял, чего он хотел. Я уже мало кому доверял, поэтому засомневался, что он пришёл предупредить. Страху нагнать пришел, чтобы я заранее боялся, вот чего. Не дождутся.

За месяц я так ни с кем не подружился. Вернее, я дружил со всеми, если так можно назвать общение без сближения и доверия. Но слова парня принял к сведению, как непонятное и возможно опасное.

Утро было дождливое, хмурное. Меня подняли раньше всех в столовку. В коридоре уже маячили тени заспанных семиклассников. Нам отперли двери и включили свет. Это было мое первое дежурство. Со своим классом я должен дежурить только через две недели...

Интересно, заставят всю неделю драить столовку или только один день?

Крупная женщина в белом халате резким окриком подозвала всех к себе. Выдала мыло, тряпки и две швабры. Девочек провела в буфетную – сортировать салфетки и тарелки: они будут накрывать на стол. Интересное кино получается. Мы тут чернорабочая сила – тряпками махать, а девчонки – салфеточки перебирать. Недолго думая, я схватил тряпку с посудиною и моющее средство. Сказали мыть стены. Вроде, генеральная уборка.

По-моему мнению, вечером это было бы удобнее. Но моего мнения здесь никто не спрашивает, поэтому я мою стены возле окна: там их меньше.

Швабры так и остались нетронутыми. Все разбрелись и терли тряпками стены, мыть пол никто не хотел. В дверях показывались вновь прибывшие. Как я понял, последним достаются швабры. Наконец, раздав всем инвентарь, женщина вышла.

Розовощекий крепыш, почти с меня ростом, тут же бросил тряпку и сел на стол. Остальные последовали его примеру. Чтобы не выглядеть болваном, я тоже перестал тереть стену и просто прислонился к подоконнику.

– А ты кто? – спросил розовощекий, засовывая в рот конфету.

– Из девятого.

– А почему с нами?

– Штрафные баллы.

– Хм... Штрафник, значит. Тогда тебе и полы мыть. Слышь, ребят, сегодня штрафник есть, бросай швабры. Подвезло.

Я, молча, отвернулся и начал дотирать свою стену.

– Ты чего, не слышал? – гнусаво протянул розовощекий. – Бери швабру.

Сказать, чтобы я удивился – это ничего не сказать. Ни в одной школе, а их я сменил достаточно, я не видел, чтобы младшие что-то указывали старшим! Какие-то малолетки, сгрудившись в кучу, смотрели на меня, как на пыльный мешок, который можно выбить.

Пока я раздумывал, что мне делать, сзади послышались шаги и, обернувшись, я обнаружил уже всю толчею рядом с собой. Предводитель – розовощекий, все так же чавкая, нагло рассматривал меня, словно прикидывая, куда мне можно зарядить.

– Ты чего, не понял? – опять протянул крепыш, подзывая пальцем кого-то сзади.

Я не стал дожидаться.

– Так, ребятня, а ну расступись, – собравшись, как хищник в западне, я делал вид, что меня несколько не беспокоит их окружение. Хотя немного кружилась голова, и предательски слабели ноги. От страха я обычно становлюсь бледным, но действую четко и спокойно.

Я сказал все ровным тоном, – они не шелохнулись, и все также задиристо смотрели на меня. Придется напором.

– Да дайте пройти, чего встали, как на празднике!

Один вопросительно повернулся к розовощекому. Я напирал спокойно и с виду дружелюбно. Встретив стаю собак, нельзя показывать, что тебе не по себе, а держать их волей, не позволяя кинуться.

– Давай, давай. Подвинься, – я уж слегка нагнул.

– Идешь пол мыть? – недоверчиво спросил кто-то.

– Ага, – лениво протянул я.

Они расступились. Я скинул тряпку в посудину и, прошествовав под их взглядами, поставил ее на стол у двери. Потом развернулся, помахал им ручкой и вышел. Невольная улыбка растянула мои губы, и я хмыкнул. Вот дураки. Меня отметили, что я приходил. Свое дело я сделал, так что, аривидерчи, амигос. Один день выигран.

Но не тут-то было. Эти поганцы сказали, что я ушел сразу же и ничего не сделал. Мне не засчитали штрафное дежурство и велели прийти еще раз. Весь день я наткался на смурные лица Семечек.

Наверное, придется завтра махать шваброй. Почему бы им не взять робота-мойщика? Везде его сейчас применяют.

Я даже подумал, – может, подойти к этой женщине и попросить её сделать что-нибудь вечером одному, без этих... Но как-то не решился. Значит, придется весь час до завтрака сидеть там с ними. Стены мы уже вымыли, что будет на этот раз?

А на этот раз были только швабры – мыли пол, оказывается, каждый день, еще столы и стулья. Я не торопился на дежурство, специально оттягивал. Они уже вовсю драили, когда я появился в дверях. Я посмотрел на эту трудовую вахту, и мне расхотелось туда идти. В голове мелькнула шальная мысль – а что будет, если я прокачу дежурство и все? Мне даже стало приятно от такой наглости. Либо предложу докрасить еще один забор, имею же я право выбрать посильную работу? Могу даже нарисовать чего-нибудь, если очень надо.

Я развернулся и пошел досыпать. Завалившись в постель, я тут же заснул, правда, с легкой тревогой, но такой, не назойливой. Мне было даже интересно. В конце концов, они могут меня ставить на дежурство хоть каждую неделю. И тогда придется сторожить, чтобы я не сбежал. Тогда кто-то должен все время там быть. Эта идея мне понравилась, и больше я ни о чем не думал.

День мне опять не засчитали и назначили на следующий. Следующим днем была пятница, и я вовсе не пошел, сказав будившему меня человеку, что подвернул ногу и никак не могу.

И вот, после уроков, я опять стоял в приемной директора. Разговор был короткий – меня просто не отпустили домой на выходные. Неожиданно. Директор что-то говорил про уважение.

Когда народ погрузился в автобус и выехал из нашей «зоны отдыха», я прошелся вдоль решетчатого забора и свернул за сарай, еще поблескивающий свежей краской серо-зеленого цвета. За сараем на сваленных мешках сидел знакомый восьмиклассник. Я примостился рядом. Он косо взглянул на меня и ничего не сказал.

Земля была рыхлая, рассыпчатая. Я заметил палку, дотянулся до нее и, переломив наискось, заострившимся концом начал рисовать линии.

– Сколько человек осталось, знаешь? – спросил, чуть погодя, восьмиклассник.

– Не-а. А обычно как?

– Да, когда как... Человек десять, не больше. Тебя как зовут-то?

– Семен.

– А меня Стас. Надул Семечек, а, Семен? – и он засмеялся.

Я тоже улыбнулся, удивившись, откуда он знает.

– Да-а, наверное, не знаю. Странные они. Волчата.

– Во-во. Как будто из тюрьмы только вышли. Самое интересное, что так они не полезут.

Только всей стаей.

– Я заметил. В коридоре некоторые даже глаза отводят.

– Во-во. Но ты не расслабляйся. Подляну кинут какую-нибудь. Розаня на это мастер.

Я сразу понял, о ком он. Да и как тут не понять. Розовощекая предводила команды была слишком на виду.

– Тебя поэтому домой не отпустили? – спросил Стас.

– Именно. А тебя? – впервые мне было интересно узнать, что происходит с другим человеком. И еще мне хотелось понять, почему он меня предупредил.

– Да, меня вообще не выпускают, – ответил Стас спокойно, разминая затекшие ноги.

– Как это? – удивился я.

– Да так. Штрафов много, – Стас довольно ухмыльнулся.

– И что? – такой поворот дела меня озадачил.

– И домой ни-ни.

– А что родичам говорят? – не поверил, обдумывая как мне быть с этим дежурством.

– А чего им говорить, дополнительные занятия. Я же двоечник. Типа, занимаются.

На каникулы все равно отпустят, куда денутся.

Стасу, похоже, было все равно. Но мне – не очень.

– Понятно, – протянул я и замолк.

Мне стало не по себе. Это что же получается, я так месяцами могу здесь сидеть, если не закрою свои штрафные баллы? Настроение упало. Здесь я его как-то особенно чувствовал. Если раньше мне все было ровно фиолетово, то теперь меня бросало то вниз, то вверх, я только виду не подавал.

Из приятного было: Светка, полдник из оладий с джемом (почти как у деда) и то, что моя кровать стояла у окна, и я иногда мог читать при свете луны. Даже фонаря не надо. Аккуратно мне так светило на подушку. Наверное, поэтому там никто не спал, – хлипкие занавески висели, как тряпочки, ровно до половины.

Я посмотрел на Стаса. Наверное, я давно так долго ни с кем не разговаривал. Может быть, от этого чувствовал какую-то назойливость, что ли, со своей стороны. Мне не хотелось, чтобы он подумал, что я за него цепляюсь. Поэтому я постарался спросить как можно равнодушнее.

– А чем вы занимаетесь здесь в выходные?

– Да-а, кто чем, – так же прохладно и туманно ответил он, как будто почувствовал смену настроения и тоже отгородился.

Я не понял и пока отошел, чтобы все обдумать. Решил, что надо присмотреть сначала. У них уже, может быть, своя компания, решил я, и посвящать меня в свои дела они вряд ли станут, тем более вот так, сразу. Ну и плевать. Почитаю чего-нибудь.

– Ну ладно, я пошёл, – кивнул я, уходя, и он поднял руку в знак прощания.

Я оставил Стаса сидеть за сараем и направился к входу в наше гостеприимное серое здание. Ко мне сразу подскочила какая-то женщина и сказала, что нужно позвонить родителям, предупредить, что я остался. Мобильники мы сдавали в камеру хранения, для порядка, поэтому звонить приходилось оттуда.

Ячейки, как в бассейне, закрывались цифровым кодом. Четыре цифры – шкаф открыт. Можно было бы сделать по отпечаткам пальцев, но, видимо, Грум тратиться совсем не хотел, а эту рухлядь свезли с какого-нибудь древнего завода.

Я полазил в своих вещах, посмотреть, что могло бы мне пригодиться. Дверь в камеру хранения открывали два раза в день на два часа. Но сейчас выходной, и время допуска к личному имуществу сместили до обеда. Охранник маячил рядом, поглядывая на всякий случай.

Охранников у нас было два. Один – на дверях школы, другой – в здании. Он обходил этажи, крутился возле туалетов, а на его поясе болталась дубинка. Настоящая. Мне не нравился ни тот, ни другой.

Я позвонил маме, сказал, что меня оставили на дополнительные занятия, и сунул телефон обратно в сумку. Браслет тоже положил, зачем он мне тут, только лишние взгляды привлекает. Взял с собой электронную книгу, куда давно скачал Конан Дойля, Эдгара По и Пола Экманна, про то, как распознать лжеца. Услышал как-то, заинтересовался. Теперь читаю. И свою любимую книгу – «Гражданин Галактики» Хайнлайна – я закачал дважды в разных шрифтах.

Чем раньше написана книга, тем она понятнее. Это какой-то парадокс, ведь должно быть наоборот. Поэтому и дед меня дома учил по потрепанным изданиям столетней давности, потому что не мог понять, о чем я спрашиваю. Там не так быстро перескакивала информация, как будто в рекламном ролике, чтобы быстрее забросить ее в мозг в нужную ячейку. А ты спокойно обдумывал то, что узнавал, и информация упорядочивалась. Так мне казалось, во всяком случае.

Здесь была старая библиотека, но так себе, хранилище старья. Книжки с желтыми листами рассыпались на глазах, страницы путались, а в некоторых так просто торчали огрызки. Я пока выбрал две более-менее приличные на вид, которые ещё держались крепко. Не очень интересные, просто, чтобы хоть что-то полистать. Одна – про поездку на Мадагаскар, другая – про строительство и ландшафтный дизайн. Дед приучил разглядывать старые книги, как нечто очень ценное. Может, найду что.

Близилось время обеда, и надо быстрее спрятать всё под подушку. Я ещё не до конца уяснил, насколько можно доверять здешней публике.

Глава 6

В столовой я посчитал, сколько нас осталось. Если обедать пришли все (думаю, вряд ли кто-то захотел остаться без обеда), то нас собралось восемь человек. Пять мальчиков и три девочки. Никого, кроме Стаса, я не знал. Хотя и в своем классе я знал немногих, – я на них просто не смотрел.

Одна из девочек тихо плакала, отвернувшись к окну. Как только я вошел, сидевшая рядом крупная девушка с большим ртом, толкнула ее локтем и шикнула:

– Кончай реветь.

При этом она почему-то с вызовом посмотрела на меня. Та, что плакала, нагнулась к своей тарелке и начала вилкой ковырять макароны. Остальной народ даже не шелохнулся.

Я прошел к столу, на котором возвышались две кастрюли, на зеленом подносе выстроились стаканы с компотом, а рядом – тарелки с погнутыми вилками. Открыв крышку, удивился, сколько там еды! Натуральной, как у деда. Жуй, не хочу. Обычно, я не очень-то наедался. Пожалуй, сегодня это можно поправить. Я взял две глубокие тарелки и наполнил их до краев.

– Не лопнешь? – ухмыльнулся Стас, когда я направился к столу.

– Посмотрим, – ответил я, ставя тарелки и отправляясь обратно за компотом и хлебом.

Кажется, сегодня из столовой не уйду до вечера. Какая тишина! Сколько еды! Я был почти что счастлив.

Только сейчас осознал, что все это время закидывал пищу, как топливо, в толпе себе подобных, – так же торопливо и равнодушно, подчиняясь общему ритму.

Сегодня был день остановки. Мне казалось, будто я очутился на кухне ресторана, в котором неожиданно никого не осталось.

Вскоре в столовке действительно никого не осталось, и я, уже порядком разомлевший, пытался закинуть в себя еще чуть-чуть, чтобы не терзали потом воспоминания об оставленной еде.

Если бы не появилась дежурная и не унесла кастрюли, я бы не смог их покинуть.

Я так объелся, что еле вылез из-за стола. Передвигаться было сложно, дико хотелось спать. Я доплелся до своего этажа и проспал до вечера.

Не знаю, что делали остальные, – во дворе было тихо, по коридорам никто не бегал. В спальне девятиклассников я находился один.

Спальни мальчиков располагались на четвертом этаже, а девочек на втором. Всего по четыре комнаты в каждом крыле: в одном – с пятого по восьмой, в другом – с девятого по одиннадцатый. Но нас было так мало, нас – старшеклассников. Десять человек (мальчиков) в девятом, шесть – в десятом и пятеро – в одиннадцатом. Четвертая пустующая комната использовалась, как самодельная гостиная. Я знал, что там тусовались вечерами, но ни разу не заглядывал. Да и зачем? Мне не нужна толпа.

Сейчас никого не было, и я решил зайти.

Гостиная. Забавно. Ребята притащили несколько кроватей и устроили из них подобие диванов. Еще здесь была школьная парта и две тумбочки. В одной я нашел маленький складной телевизор. Странно. Разумнее было бы хранить его при себе. Почему здесь? Тем более все уехали...

Я достал это сокровище и водрузил его на почетное место. Экран светился, ругался, стрелял, – а я наслаждался. Мне было все равно, что показывают, я просто переключал программы и смотрел на людей. Каких-то далеких даже людей.

Ужин я чуть не пропустил. Впрочем, не особо и хотелось, да и то отвратительное, по сравнению с обедом, месиво – с большим трудом походило на еду. Терпеть не могу капусту в тушеном виде. Осталось только порадоваться, что так оторвался на обеде.

Я выпил чаю, прихватил с собой несколько кусков хлеба и хотел уже отправиться и дальше смотреть телек, как неожиданно на моем пути нарисовалась крупная девица.

– Ты откуда? – спросила она, вытянув руку и упершись ею в дверной косяк. Словно шлагбаум перегородил мне дорогу.

– В смысле? – не понял я.

– Класс какой, доходяга? – устало выдохнула она.

Нежности я от нее не ожидал, но и грубости тоже.

– Первый, – сказал я, в упор глядя в ее круглые пустые глаза. Как незажженные фары, без внутренней подсветки, не имеющие ни цвета, ни выражения.

Круглые глаза скосились в легком недоумении, но свет не зажегся.

– А если по-нормальному? – один глаз как-то особенно угрожающе уставился на меня.

– А тебе зачем? Список составляешь?

– Ой, все. Катись.

Шлагбаум опустился – путь был свободен.

– Это она так интерес проявляет, к новеньким, – захохотал Стас.

– Так я же... доходяга.

– А ей и такой сойдет, правда, Мань?

– Да пошёл ты, – бросила Маня Стасу, развернулась и, важно раскачиваясь, вырулила на середину коридора.

Я решил, что пускай «этот грузовик» проедет, прежде чем двинусь следом.

В столовой остались Стас и ещё один парень, по всей видимости, из его класса, – они сидели вместе и о чем-то переговаривались, – и две девочки в дальнем углу. Я подошел к столу Стаса.

– Что будете делать? – как можно равнодушнее спросил я.

Стас ухмыльнулся и перевел взгляд на приятеля. Тот даже не посмотрел в мою сторону.

– Мы... ещё не знаем. А что?

– Да так, – я подумал, стоит ли делать это предложение, но, с другой стороны, тогда и не надо было начинать. – Можно телек посмотреть.

Я отметил взгляд исподлобья соседа Стаса, и заинтересованный самого Стаса.

– Где? – отрывисто спросил он.

– Есть место.

– Хорошо. А когда? – Стасу не терпелось, это было заметно.

– Да хоть сейчас.

Стас весь подобрался от такой идеи, было видно, что он уже готов сорваться с места. Но его приятель смотрел на меня недоверчиво и как будто иронично. Мне стало неприятно. В его глазах читалось – подлизывается, болван. Доходягой обозвали, теперь товарищей ищет. Он бы на моем месте, конечно, поступил по-другому. Сказал бы что-нибудь, этакое. А может, и нет.

– Я с девчонками не связываюсь, – на всякий случай добавил я для него и встал. – Приходите, если надумаете.

Выйдя из столовой, я дал себе зарок больше ни к кому не подходить и в компанию не набиваться, даже если мне станет совсем скучно и одиноко. Жил же я без них. Просто раньше все время кто-то дергал: то мама со своими делами, то одноклассники – передай то, а у тебя есть это. Сейчас я чувствовал, что никому, абсолютно никому не нужен. Что ты есть, что тебя нет, всем абсолютно фиолетово.

Мне было даже немного неловко перед Стасом, что я не принял тогда его дружеского предупреждения. Может быть, поэтому он сейчас так отстранен, и мне теперь хотелось как-то загладить свою оплошность. Но если это похоже на либезение, то больше я к нему не подойду. Я сделал шаг. Теперь очередь за ним.

Они пришли через полчаса. Мы просто смотрели телек и ни о чем не говорили. Посмотрели – разошлись.

Среди ночи я проснулся от жуткого воя сирены. Звук как будто резал стены и кромсал воздух, сотрясая здание. Может, землетрясение?

Подбежав к окну, я ничего не увидел, кроме фонаря у забора, раскачивающегося как всегда от порывов ветра. Я быстро оделся и выбежал в коридор. Темное небо вдалеке рассекали лучи света, мечущиеся во все стороны, а звук сирены уже звучал с надрывом, как будто захлебываясь от собственного воя.

В коридоре появлялись остальные ребята. Через некоторое время к нам поднялись и девочки.

– Что это? – нервно спросил кто-то из девочек.

Мы, молча, пожали плечами и снова прилипли к окну. Странное дело, у меня было ощущение, что мы в здании совершенно одни. Ни сторожа, ни охранника не видно, да вообще никого! Дежурная из столовой ушла – я это видел. Но должен же был кто-то за нами присматривать?! Или как? Я хотел спросить, но не решался, чтобы меня не сочли еще вдобавок трусом.

И тут Стас вдруг развернулся и как-то даже присел.

– Я знаю, что это. Там где-то по дороге старая зона. Ее давно должны были закрыть. Если так орет сирена, то это уголовники сбежали.

Девочка, которая плакала сегодня, вскрикнула и закрыла рот ладонями.

– Да, ладно. Не заливай, – покосившись на нее, пробубнил молчаливый и хмурый его приятель.

– Точно говорю. Они далеко, там пустырь. Мы в прошлом году как-то наткнулись. Только почему так слышно, это же километров десять, не меньше.

– А где наш сторож? – подал голос кто-то сзади.

– Может, дрыхнет, а может, сам в конуру забился.

Не знаю, сколько времени мы так стояли, сколько звучала оглушительная сирена, и почему, если верить Стасу, её было так слышно, если зона далеко. Уже позже я узнал, что это сработала сигнализация перед выходом из города на чипы, вшитые в их одежду. Если бы они знали, то сбросили ее задолго до пересечения. Но все равно, прекрасный Пейск имеет три колонии, и одна из них вообще находится в черте города.

Только в тот момент наш забор закачался под тяжестью переваливающихся над ним теней, и мы присели на пол. Луч света еще шарил во все стороны.

– Вот попали, – выдохнул Стас. – Что будем делать?

– Пошли на крышу, – предложил его друг.

– А там что мы будем делать?

– Там хотя бы видно, кто куда лезет.

– Да они уже залезли, чего смотреть.

– Тогда надо позвонить. Здесь есть телефон?

– В камере хранения у всех есть телефон.

– А директор. В кабинете.

– Туда можно, но надо как-то спуститься очень тихо. Может, они и в здание уже забрались.

– Где же этот сторож?

– Где, где... Напился и спит, как всегда. Кто вниз пойдет?

– Все пойдут.

– Все, так все.

Из сыпавшихся со всех сторон голосов, я не разобрал, кто и что говорил. Говорили все одновременно и в то же время попеременно. Некоторые повторяли одну фразу вдвоем. Так про мобильники вспомнил я и еще мальчик из младших. Самое странное, что никто не подумал,

что кабинет директора так же закрыт, как и камера хранения. Она казалась такой неприступной, что легче было все же надеяться на открытую директорскую дверь.

Мы начали осторожно спускаться, держась ближе к стене. На лестнице свет ночью приглушался, но не выключался совсем. Не дойдя до второго этажа, мы услышали звон разбиваемого стекла и всем табуном рванули наверх. Грум со своей любовью к древности слишком переборщил, даже стекла бьются просто от удара.

Поднявшись обратно, я увидел, как Стас замахал руками, показывая идти в их крыло. Мы тихо шли. Рядом со мной девочка дрожала мелкой дрожью, и у меня от страха слегка подгибались колени, отчего я часто спотыкался. Голова кружилась и была пустая-пустая. Нас всех вперед гнал инстинкт, как можно дальше, как можно тише и быстрее.

Мы очутились в закутке с четырьмя спальнями, но Стас показал пальцем чуть левее и наверх.

Я разглядел железный квадрат на потолке.

– А лестница? – тихо спросил я почти одними губами.

Стас кивнул, скрылся за одной из дверей и вскоре появился с раскладной лестницей.

– Её придется втаскивать за собой, – как будто просвистел Стас, сквозь плотно сжатые зубы. Лестница была тяжелая.

Не знаю, откуда он знал, что вход на крышу открыт, наверное, лазил уже не раз. Он поднялся первым, открыл люк и сказал ползти по очереди. Мы стали подниматься. Тяжелее всех оказалась та самая Маня. Она чуть не свалилась, когда Стас затаскивал ее. Потом мы тянули лестницу. Она никак не хотела складываться и просто упала.

– Вот дерьмо, – выругался Стас. Мы, молча, замерли. – Ничего, отсюда закроемся. Мало ли что там внизу лежит.

Голос Стаса звучал неуверенно.

– А как мы спускаться будем? – спросил кто-то.

– Как, как... Чего сейчас об этом говорить. Спустимся как-нибудь.

Мы расположились вокруг люка. Это была совсем не крыша, как я подумал вначале. Небольшой чердак, – низкий, во весь рост не встанешь – и забитый всяким хламом. В темноте не разобрать, – какие-то тряпки, ящики, мотки проволоки.

Глава 7

Не знаю, сколько мы так просидели. Постепенно глаза привыкали к темноте, и я заметил маленькое окно, которое загораживала большая коробка, и оттого его было почти не заметно. Пробравшись к окну, я попытался рассмотреть, что там на улице. За мной подтянулся кто-то еще. Над ухом раздался горячий шепот Стаса.

– Чего там? Видно чего-нибудь?

– Нет. Тишина.

– Тут и не слышно ничего. До рассвета придется сидеть.

– Или до понедельника, – подала голос Маня.

Мы помолчали.

– До понедельника точно нет, – сказал девочка с косичками, – ведь ещё дежурная спустится на обход и увидит, что нас нет.

– Ага, спустится она, – хмыкнул Стас, – её сегодня вообще не видно.

Из сбивчивых фраз я понял, что дежурная – та самая женщина, что была в столовой. В редких случаях, если много народу остается, – тогда два охранника на месте. Должен быть еще один педагог, но почему-то сегодня он не вышел.

Я, вытянув шею, попытался рассмотреть, что там вдали. Чуть правее находились ворота, но их было плохо видно.

– Дай, я посмотрю, – Стас отодвинул меня и прижался виском к стеклу.

Не знаю, почему мы так упорно разглядывали ворота. Может, потому что там была дорога, а вокруг стелился лес и кустарник, – пройти там крайне сложно, тем более, ночью. Я однажды попытался залезть, прежде чем мы с мамой нашли ворота школы.

– Кто-то бежит, – напрягся Стас. – А-а, это наш охранник проснулся, наконец.

Я тоже приник к окну поверх головы Стаса. Охранник открывал ворота. Видимо, из будки связался, с кем надо, и потом сидел, выжидал. А теперь торопился впустить прибывших военных.

– Сейчас будут прочесывать здание, – с облегчением молвил Стас и уселся на ближайший сверток.

Так мы сидели, попеременно сменяясь у окна, смотрели на окруженное здание. Пока...

...Пока не раздался стук в нашу железную дверь. Народ испуганно замер. Железяка эта крепилась на честном слове: через два отверстия в скобах была просто протянута проволока.

Люк неумолимо поднимался, а мы в ужасе пятились назад, отодвигались ногами до упора. Вскоре показалась чья-то голова.

– Да тут мальцы. А ну, подвинься, детвора. Не бойсь, мы не страшные.

И один за другим к нам полезли здоровенные верзилы. Всего их было трое. Один достал скомканную одежду, и они принялись переодеваться. Как я понял, шмотки они раздобыли в спальне старшеклассников.

– Куда ход идет? – спросил самый здоровенный.

– Вдоль крыши, – чуть помедлив, ответил Стас.

– Спуститься можно?

– Не знаю.

– А кто знает?

Все молчали. Верзила кивнул Стасу.

– Пойдем. Покажешь.

– Я-я... не могу, – голос Стаса чуть дрогнул.

– Почему это?

– Я туда не ходил, я только здесь.

– Давай, давай, потопали.

Он ухватил Стаса за плечо. Другой окинул нас взглядом.

– Одного мало, – сказал он.

– Бери другого.

И тяжелая рука упала на мое плечо.

– Может, ещё девчонок, для убедительности? – спросил тот же тип.

– Не надо, – верзила поморщился. – Писку не оберешься. Этих достаточно.

И мы пошли. На прощание верзила пригрозил остальным:

– Сидите тихо. Ничего не видели и не слышали. Вякните, им хуже будет. Поняли?

Ребята что-то сдавленно промычали, но мы уже шли. Я думал о том, что иногда не так уж важно, кто ты и что ты делал. Вот ты идешь, а рядом, такой же, как и ты. И он напуган не меньше твоего, и он счастлив, если можно так сказать, что не один. И мы идем. И только мы одни знаем, как нам страшно, и может быть, еще те, кто остался. Но у них другой страх. Смущенный и виноватый. Потому что никто из них не знает, что делать. И мы не знаем, что нам делать. И пока мы просто идём.

Мы брели сквозь какие-то завалы. Один из громил цепко держал меня за плечо. Впереди виднелась спина Стаса.

Я почему-то подумал о маме, и от этого защипало в глазах. Этого еще не хватало, разреваться, как девчонка. Я постарался о ней не думать, а попытался размышлять, что они с нами сделают. Мы им нужны, чтобы выйти или прикрыться для того, чтобы выйти? Если они найдут выход – мы им перестанем быть нужны? Они просто уйдут? Если лягнуть того, кто меня держит, сможем мы убежать? И пусть их тогда ловят дядьки внизу. Значит, надо найти такой же люк.

Я стал смотреть под ноги. Вскоре я заметил такой же железный квадрат. Нам главное выбраться отсюда. Этот чердак давил своей замкнутостью.

Я остановился и показал на люк.

– Куда ведет?

Я посмотрел на Стаса. Тот мотнул головой и слегка пожал плечами. Тогда я прикинул, как мы шли и сколько поворотов сделали. Получалось, что мы пришли к спальням старшеклассников. Только я не понимал, как они будут спускаться. Им же нужно выбраться из здания. По трубе?

– Здесь выход в другую сторону, – уверенно сказал я. Стас удивленно на меня посмотрел.

– Куда?

– Дальше от главного входа. Там всё время темно.

Я не помню, что я говорил. Что-то про то, что здесь спуститься будет безопасно. Они открыли люк и снизу вдруг послышались голоса. Весь мой план с треском провалился.

– Всё ясно, – сказал верзила. – Притопали на другую сторону. Пошли назад. Есть идея.

Идея состояла в следующем. Верзила приказал ребятам спуститься и объявить, будто он и остальные уже ушли. А нас оставил при себе для страховки, чтобы ребята не проболтались.

Мы сидели и ждали, стараясь не двигаться. На любое движение главный верзила страшно напрягался и вскидывал руку. Сами они втроем полулежали у окна, периодически поглядывая на улицу.

Где-то через полчаса машины выехали со двора. По сигналу, что все нормально, громилы начали спускаться. Мы со Стасом сидели наверху, наблюдая за ними и ожидая своей очереди. Мне казалось, что главное – это выбраться с чердака. А дальше я не думал. Я надеялся, что они уйдут. Зачем мы им? Ведь, правда, зачем?

Неожиданно, из спален выскочили военные и набросились на верзил. Кто-то задел лестницу, и она с грохотом повалилась. А мы так и сидели наверху, молча, смотрели вниз, пока вер-

зилам крутили руки, укладывали на пол, надевали наручники. Они кричали, ругались и грозились.

Мне как-то резко захотелось спать. Навалилась усталость, отупение и безразличие.

Люди внизу что-то говорили, потом нас со Стасом принимали по одному. Мы спрыгивали в чьи-то сильные руки, нас хлопали по спине и отставляли в сторону. Потом обшарили весь чердак. И, наконец, мы отправились спать.

На улице уже светало. Я лежал один в своей спальне на десять человек. Было как-то до одурения пусто. И только чьи-то шаги гулко отдавались в пустых коридорах. Успокаивающие чьи-то шаги.

***

Раздался тихий звук зуммера и спокойный голос поинтересовался:

– Как вы себя чувствуете, Семён?

Я выныривал из прошлой реальности в нынешнюю. Вспомнил, где я, и что человек сейчас фиксирует мои воспоминания на записывающее устройство в точности до пауз.

– Я нормально.

Он внимательно осмотрел меня.

– Мы можем прерваться до завтра? Или хотите продолжить?

– Наверное, можно продолжить, – неуверенно откликнулся я.

– Вам принести чай или кофе? Может, вы хотите витаминный напиток?

Он придвинул панель для вызова сервис-службы.

– Да, пожалуйста, – кивнул я.

Наверное, можно прерваться. Не стоит сильно напрягаться и разумно сделать хотя бы паузу, чтобы перевести дух. Десять-пятнадцать минут, размять затекшие плечи, пройтись по комнате.

Я ни о чем не думал, потягивал маленькими порциями травяной чай, доставленный роботом, и собирался с силами.

Потом поставил стаканчик на выкатной стол сервис-службы, который тут же был утилизирован. Через минуту панель убрала и сам столик.

Я вернулся на место и устроился, как можно удобнее. Немного хотелось спать.

– Готовы? – спросили меня.

Я кивнул.

Глава 8

Воскресным утром приехали директор и двое охранников. Окно быстро заделали, а нас вызвали в кабинет. Так и сказал товарищ Грум, проходя мимо лавки, где все расселись и наблюдали приведение окна в порядок, вот чтобы все – и к нему. Мы затолкались в кабинет и выстроились по кромке ковра. Теперь он не делал вид, что нас вроде как нет, а сразу приступил к делу:

– О случившемся – пока ни слова. Все благополучно закончилось – и хорошо. Всем понятно? Никаких разговоров завтра по школе. Сегодня можете перетереть, но чтобы даже легкий слушок не проник. Скажет один – разбираться не буду кто. Свободны.

Мы, молча, гуськом, начали выходить из кабинета.

– Удалов, задержись на минутку, – раздался голос директора.

Я притормозил.

– Завтра к тебе мать приезжает. Месяц прошел, она будет интересоваться твоими успехами. И есть ещё дополнительные условия, которые с ней нужно обсудить. Поэтому, сегодня занимаешься по всем предметам – у тебя завтра по ним контрольная.

– У меня одного?

– Точно. Так, что по двору не болтаться. Замечу, будешь с охранником заниматься. Свободен.

Я пошел к себе. Наверное, надо готовить «шпоры». Ни тебе вопросов, ни времени. С учебниками я отправился в «гостиную», – там хоть стол нормальный. Просматривал все темы, выписывал, особенно даты и формулы. Аудио-уроки повторял, как попугай за ведущей. В результате пародии на неё выучил несколько длинных слов, чтобы не спотыкаться. На обед я спустился измотанный, когда уже никого в столовке не осталось.

Ландшафт нашего двора портил охранник. Я наблюдал за ним, пока допивал компот. Охранник топтался на площадке с турниками, потом прохаживался по газону, внимательно там что-то рассматривая. Сыщик, блин. Наверное, гильзу хочет найти, понять стреляли или нет. Дурак. До нас ему, конечно, никакого дела.

Я понимал, почему Грум пока не хочет огласки. Никого из педагогов не осталось в тот день с нами, и замену не нашли, а ему отвечать за все. Поэтому пока официально, с нами все были.

Два известия сразу неожиданно взволновали меня. С одной стороны, я был рад, что приезжает мама, только недавно о ней так вспоминал, с другой, – эта контрольная делала приезд каким-то официальным и напряжённым, к тому же занимала все мои мысли. Я взял курс по истории, завалился на кровать и попытался читать медленно. Читал, читал, пока не заснул.

К вечеру я все забросил. Вспомнил, как один раз так зубрил параграф, что на следующий день мог повторить только одну фразу. Тупой зубрёшке моя голова не поддавалась. Ну и ладно, как-нибудь осилим. Тем более, какие могут быть результаты за месяц?

На следующий день оказалось, что я зря волновался. Меня просто спросили по всем предметам и поставили четверки, независимо от того, как я отвечал. Хитрецы. Это же им надо было отчитаться, а не мне. А может, стимулировали, чтобы потом также старался. Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.